

О мировоззренческих основах похоронной обрядности средневековых монголов

Похоронная обрядность, как и любая другая, является выражением мировоззрения этноса. Она не остается неизменной, хотя и принадлежит к одному из самых консервативных элементов культуры. Особый интерес представляют ритуальные действия при захоронениях правителей, так как последние имеют в традиционных обществах качественно иной онтологический статус, чем простой народ. Правитель центрально-азиатского государства древности и средневековья - восприимчив и проводник благой небесной силы (харизмы)[1], необходимой для нормальной жизнедеятельности общества и природы. Благодаря этой силе нормализуются отношения между Небом и Землей, высшими и низшими, своими и чужими, предками и потомками, гармонизируются природные процессы, важные для людей, ведущих кочевой образ жизни и в сильной степени зависящих от погодных условий, плодородия степей и т.п. Анализ представлений средневековых монголов о сакральном характере верховного правителя с едва ли не исчерпывающей полнотой осуществлен Т.Д. Скрынниковой[2]. Автор перечисляет объекты, в которые воплощается харизма и которые становятся вследствие этого культовыми: "голова (череп) и волосы, пояс, стрела, кость, знамя (копье, пика), трость, кнут, барабан, антропоморфные изображения, дерево, гора, захоронение и т.д." [3]. Последнее в этом списке, т.е. захоронения монгольских правителей средневековья, и составляет предмет нашего исследования.

Известное выражение "каждая гора стала онгоном[4]" из "Сутры поклонения звездам, Небу" Т.Д. Скрынникова объясняет сохранением воздействия харизмы погребенных в горах правителей, в пользу чего, по ее мнению, свидетельствует употребление глагола онголах ("делать онгоном") в значении "похоронить". Это слово встречается в "Алтан тобчи" Лубсан Данзана и одноименном сочинении Мэргэн-диянчи[5].

В связи с изложенным хотелось бы обратить внимание на любопытный факт, засвидетельствованный выдающимся средневековым армянским историком и религиозным деятелем Киракосом Гандзакеци, когда в качестве онгона служило тело скончавшегося монгольского полководца Чармагуна - в 1231-1241 гг. главнокомандующего монгольской армией, стоявшей в Северном Иране. После смерти его останки по приказу хана монголы не предали земле, а возили с собой, "так как муж тот был очень удачливый и даровитый"[6]. Возможно, тем самым талант и удача умершего полководца остались покровителями войска. Делу не помешало то обстоятельство, что Чармагун склонялся к христианству[7]. Точно так же, монголы в дальних походах не расставались с войлочными онгонами, которые осуществляли их спиритуальную защиту в чужих землях.

"Голова или череп сохраняют свою регулирующую функцию как вместилище харизмы в разных случаях: при жизни и после смерти, в своем социуме и в чужом (подчеркнуто нами - Ю.Д.)"[8]. Поэтому харизматический череп, принадлежавший правителю, сородичи старались сохранить, а головы поверженных врагов нередко

подвешивали к лошади героя. Очевидно, они не только служили наглядным свидетельством воинской доблести, но и умножали его силу. Собрание вражеских черепов, знамен, стрел, а также возведение балбалов[9] символизировало присоединение и использование харизмы чужих родов[10]. Таким образом, получается, что чужие предки вследствие этих ритуальных действий фактически начинали служить убийцам своих потомков. Но тогда это должно означать, что либо харизматические останки становятся неподвластны духам тех людей, которым они когда-то принадлежали, и изливают содержащуюся в них благодать на любого, кто ими завладеет[11], либо духи оказываются связанными в своих действиях, раз останки попали в чужие руки.

Дополнительным аргументом в пользу сделанных предположений могут послужить слова Джамухи, побратима, а впоследствии врага Чингисхана, сказанные перед казнью: “Если можно, мой друг, то, предавая меня смерти, казни без пролития крови. Когда буду лежать мертвым, то и в земле, Высокой Матери нашей, бездыханный мой прах во веки веков будет покровителем твоего потомства. Молитвенно обещаю это”[12]. Отсюда следует, что 1) даже покинув этот мир, человек высокого происхождения продолжает осуществлять свою сакральную миссию, но при условии, что его останки захоронены подобающим образом – “в высокой земле”, т.е. в горах (эта идея, в принципе, не нова), и 2) посмертная протекция может распространяться на представителей другого рода[13]. Последний вывод подталкивает к новому вопросу: если кости знатного лица-иноплеменника являются вместилищем харизмы, не могли ли монголы пытаться использовать их именно с целью извлечения этой небесной благодати? Даже если Джамуха обещает свою личную помощь в качестве гения-хранителя, и его останки никакой роли уже не играют, допустимо ли предполагать наличие какой-либо связи между гением-хранителем и тем, что когда-то было его человеческим телом? Вопрос осложняется тем, что у народов Центральной Азии существовало представление о множественности душ человека. Одна из них отлетает на небеса. Другая остается витать над костями умершего, пока они не истлеют[14]. Вероятно, она обладает какими-то признаками сознания и представляет опасность для живых, и едва ли может служить покровителем людей. Наконец, третья душа становится духом и странствует по земле[15]. Можно полагать, ее странствия не выходят за пределы родовых земель.

В традиционных монгольских и тюркских культурах Центральной Азии и Южной Сибири, уходящих корнями в родовую строй, одним из доминирующих было представление, что духи предков продолжают “населять” принадлежащую роду территорию. Их обиталищем обычно мыслились вершины родовых гор, а сами эти горы нередко считались “прародительницами”. Как правило, духом-“хозяином” горы, как и всей родовой земли, становилась реальная или мифическая личность, первой пришедшая в эти края, освоившая их и положившая начало роду. “Хозяином” мог стать прославившийся своими магическими способностями шаман, удалой богатырь, но иногда и чужеземец, погибший здесь, или олицетворенная природная стихия. Независимо от своего происхождения, “хозяин” контролировал подвластную ему территорию, покровительствуя членам рода и обеспечивая нормальное протекание локальных природных процессов. Чем большей силой он обладал, тем шире была сфера его влияния, выходящая порой за границы родовых земель. Известны духи-“хозяева” горных хребтов, целых горных систем (Алтай, Хангай, Саяны и пр.), географических и историко-

этнографических областей, государств. Поэтому не приходится удивляться тому, что Чингисхан стал после смерти “хозяйном” всей Северной и Южной Монголии, т.е. тех территорий, где правили его потомки.

Кажется бесспорным, что духу умершего человека в различных культурах приписывалось обыкновение отрицательно реагировать на осквернение его могилы. Вера в это дошла до наших дней, и даже сейчас находятся люди, убежденные в том, что, например, нападение фашистской Германии на СССР спровоцировал никто иной, как Тимур Тамерлан, чью гробницу археологи вскрыли как раз в июне 1941 г. Такое святотатство возбудило воинственный дух прославленного полководца, и исполнилось произнесенное им заклятие, согласно которому всякий, кто нарушит его покой, навлечет на себя неминуемую гибель[16].

В некоторых случаях духи предков, обиженные на то, что потомки не уберегли их захоронения или святилища от поругания врагом, отказывали им в своем покровительстве, что имело безусловно отрицательные последствия.

Чтобы ослабить род, покорить его или заставить покинуть обжитое пространство, полагали достаточным (а если род был могущественным, то единственно возможным) осквернить или уничтожить родовую святыню. Тогда рассерженные духи - обитатели этой святыни - лишали людей своего благословения и покровительства, без чего те под натиском врагов были вынуждены уходить на другое место. Таким путем, согласно легендарным сведениям, отраженным в китайских летописях, китайцы расправились с уйгурами. Получив обманном путем доступ к священному камню уйгуров, они раскалили его, а потом полили уксусом. Камень распался на куски, которые были унесены с сакрального места. Среди уйгуров после этого начались несчастья, спустя неделю умер их предводитель, и им пришлось уступить земли китайцам[17]. Аналогичным способом расправился со своими недругами эпический Гэсэр-хан, хитростью побудив их сделать из священного камня особые доспехи[18]. А с целью уничтожения враждебных ширайгольских ханов, он принес на их священной горе, очевидно, являвшейся родовой, жертву шелковыми полотнищами и произнес: “Искони была ты благословением и счастьем для ширайгольских ханов, а теперь будь ты, гора, благословением для меня!”[19]. В этой связи интересно заметить, что сами духи не могли отстоять свои святилища, были не в силах покарать коварных врагов, что резко отличает их от воинственного духа Чингисхана (см. ниже)[20].

Несмотря на определенное сходство взглядов на фигуру правителя в дальневосточной и центрально-азиатской концепциях власти[21], оно кончается, когда речь заходит об его останках. На Дальнем Востоке “мандат Неба” и, следовательно, благая небесная сила, передаются его наследнику, а тело прежнего правителя лишается сакральных свойств. В Монголии тело монарха содержало харизму и после смерти, поэтому умерший правитель продолжал служить проводником этой небесной силы[22]. По-видимому, это было одним из оснований тщательно оберегать кости монгольских ханов от возможного осквернения или уничтожения в специально устраиваемых труднодоступных запретных местах - хоригах[23], которые охранялись сильными отрядами. Ханские

останки погребали в горах, чтобы они находились ближе к Небу - источнику благой силы.

Видимо, правилом было скрывать непосредственное местонахождение могил. Они никак не маркировались на местности, зарастали травой и деревьями и спустя немного времени их уже невозможно было распознать. Достаточно подробное описание способов захоронения монгольского нобилитета XIII в. (но не ханов) оставил Плано Карпини: “Когда же он умрет, то, если он из знатных лиц, его хоронят тайно в поле, где им будет угодно, хоронят же его с его ставкой, именно сидящего посредине ее... Иной также способ существует для погребения некоторых знатных лиц. Они идут тайком в поле, удаляют там траву с корнем, и делают большую яму, и сбоку этой ямы делают яму под землю, и кладут под покойника того раба, который считается его любимцем. Раб лежит под ним так долго, что начинает как бы впадать в агонию, а затем его вытаскивают, чтобы он мог вздохнуть, и так поступают трижды; и если он уцелеет, то впоследствии становится свободным, делает все, что ему будет угодно, и считается великим в ставке и в среде родственников усопшего[24]. Мертвого же кладут в яму, которая сделана сбоку, вместе с теми вещами, о которых сказано выше, затем зарывают яму, которая находится перед его ямой, и сверху кладут траву, как было раньше, с той целью, чтобы впредь нельзя было найти то место” [25]. Иногда труп сжигали[26]. Вплоть до принятия монголами буддизма существовал обычай сопогребения с телом знатного лица его слуг, наложниц и др., а также различной утвари и лошадей[27]. Предполагалось, что все это потребуется умершему на том свете, условия существования в котором мало чем отличаются от земных. В 1578 г. на торжественной встрече главы буддийской секты гелугпа Соднам Джамцо (Далай-лама III) с Алтан-ханом тумэтским этот обычай был запрещен[28].

Рубрук также подтверждает практику сохранения в тайне монгольских могил и сообщает, что возле мест захоронения знати всегда имелись “гостиницы” для стражи[29].

Таким образом, далеко не случайно могила самого Чингисхана не обнаружена до сих пор, несмотря на многократные попытки и использование современной аппаратуры. В таком важнейшем источнике, как “Сокровенное сказание монголов”, сказано лишь, что Чингисхан “взошел на небеса”[30]. Само место его захоронения уже в XVII в. вызывало среди монголов разногласия: “Подлинный труп его, как говорят некоторые, был похоронен на Бурхан-Халдуне. Другие же говорят, что похоронили его на северном склоне Алтай-хана, или на южном склоне Кэнтэй-хана, или в местности, называемой Йэхэ-Утэк”[31]. Согласно “Алтан тобчи” Мэргэн гэгэна, тело Чингисхана похоронили в районе реки Чивмэ, причем летописец признается, что местонахождение этой местности неизвестно[32], а по “Юань-ши” - в долине Ци-нянь-гу[33]. Могилу Угэдэя “Юань-ши” локализует в той же долине[34]. Вероятно, из этого же источника почерпнул сведения о захоронении Хубилая в Циняньгу автор “Истории рода борджигин” Ломи[35]. Монгольский историк Галдан в своем сочинении “Эрдэнийн эрихэ” (1841 г.) утверждал, что останки Чингисхана покоятся в “Ехэджоуской окраине”[36], т.е. на территории Их Зуу чулгана в Ордосе, согласно административному делению Монголии в период цинского господства, “в небесном ордоне [т.е. дворце], называемом

“Цомцого”[37]. П. Балданжапов считает, что местность Цомцого идентична Баян-Чонхук, где расположено святилище Чингисхана Эджен-хоро[38].

В 1920-х гг. возникло предположение, что могилу “Потрясателя Вселенной” следует искать на территории нынешнего Хэнтэйского аймака в местности Гурван-нуур (“Трехозерье”). С весны 1990 г. там работала монголо-японская экспедиция, которой предстояло обследовать площадь около 450 км². Другим предполагаемым местом было Шарилын дугуй (“Могильный круг”) на горе Гоноон нуруу, близ истока р. Цэнхэр (территория сомона Цэнхэр-Мандал Хэнтэйского аймака)[39]. Монгольский ученый Х. Пэрлээ по верхнему течению реки Керулен, берущей начало в Хэнтэе, обнаружил топонимы, вероятно, связанные с историей создания Ике-Хориг (“Великий Хориг”), где, как полагают, покоятся кости Чингисхана, Мункэ, Тулуя, Хубилая и некоторых других представителей ханского рода. По Х. Пэрлээ, это запретное место создавалось путем расширения так называемой “Земли предков” (“Йэкэс-э гажар”), представлявшей собой кладбище предков Чингисхана[40]. Теперь оно включает три заповедных территории: “Северные”, “Средние” и “Узкие” запретные места (“Хойт-хоригуд”, “Дунд-хоригуд” и “Мухар-хоригуд”). Там до последнего времени погребали местных жителей[41]. Есть мнение, что “Земля предков” находится “к северу от Алтай Хана и на южном склоне Кэнтэй Хана”, примерно 490 северной широты и 1100 восточной долготы[42], что, впрочем, менее вероятно. Ч.Д. Гомбоин, интерпретируя Их-хориг скорее как философское понятие, чем географический объект, локализует его в предгорьях Малого Хамар-Дабана в Бурятии, однако, признает, что поиски там пока ничего не дали[43].

Согласно Марко Поло, “Всех великих государей, потомков Чингисхана, знайте, хоронят в большой горе Алтай; и, где бы ни помер великий государь татар, хотя бы за сто дней пути от той горы, его привозят туда хоронить. И вот еще какая диковина: когда тела великих ханов несут к той горе, всякого, кого повстречают, дней за сорок, побольше или поменьше, убивают мечом провожатые при теле да приговаривают: “Иди на тот свет служить нашему государю!” ... Когда умер Монгухан, так знайте, более двадцати тысяч человек, встреченных по дороге, где несли его тело хоронить, было побито”[44].

Рашид ад-Дин уверенно называет Бурхан-Халдун, с чем, по-видимому, можно согласиться[45]. Во-первых, персидский историк мог получать информацию из надежных источников, в том числе от самих монголов. Во-вторых, этот горный кряж находится на родине Чингисхана, и с ним связаны немаловажные обстоятельства жизни великого завоевателя. Здесь имел место знаменитый эпизод из жизни молодого Тэмучжина: преследуемый меркитами, будущий объединитель Монголии скрывался в зарослях, покрывающих эту гору. Враги шли по следу, искали его по таким местам, где и “сытому змею не проползти”, но, видимо, Вечное Небо благоволило Тэмучжину, и гора не выдала его. Когда меркиты ушли, он совершил ставшее хрестоматийно известным поклонение Бурхан-Халдуну и “потомкам потомков” своих завещал делать это[46]. Как передает Рашид ад-Дин, “Чингиз-хан [сам] выбрал это место для своего погребения и повелел: “Наше место погребения и нашего уруга будет здесь!”. ... Дело обстояло так: однажды Чингиз-хан был на охоте; в одном из этих мест росло одинокое дерево. Он спешился под ним и там обрел некую отраду. Он сказал:

“Эта местность подходяща для моего погребения! Пусть ее отметят!” Во время оплакивания люди, которые тогда слышали от него эти слова, повторили их. Царевичи и эмиры, согласно его повелению, избрали ту местность [для его могилы]. Говорят, [что] в том же самом году, в котором его там похоронили, в той степи выросло бесчисленное количество деревьев[47] и травы. Ныне же лес так густ, что невозможно пробраться через него, а этого первого дерева и места его [Чингиз-хана] погребения [совершенно] не опознают. Даже старые лесные стражи, охраняющие то место [курукчиан], и те не находят к нему пути”[48]. Упоминание здесь одинокого дерева представляется нам далеко не случайным. Дерево в мифологизированном мировоззрении - та же “ось мира”, соединяющая Верхний, Средний и Нижний миры, что и гора, и поэтому оно тоже может служить своего рода “антенной”, принимающей небесную благодать и передающей ее на землю. Остается только предположить, что упомянутая Рашид ад-Дином “отрада”, которую обрел под этим деревом Чингисхан, являлась ничем иным, как естественным следствием восприятия в себя этой небесной силы[49].

Возможно, ханскую могилу зарыли ночью и гоняли по ней лошадей, чтобы и следа не осталось, - этот обычай Джузджани считал общеизвестным в те времена[50]. Среди монголов существует поверье, что после прогона табуна по могиле Чингисхана, рядом на глазах верблюдицы зарыли ее верблюжонка, и по ее крику находили то место[51]. Оно уходит корнями в юаньскую эпоху, когда было зафиксировано в сочинении “Цао-му-цзы”[52]. Его отголоски можно видеть в желании третьей жены Алтан-хана тумэтского Молон-хатун, потерявшей в 1585 г. любимого сына, совершить сопогребение 100 мальчиков и 100 верблюжат, чтобы повторить жертву, принесенную при похоронах Чингисхана. Крик верблюдиц должен был послужить поминальным плачем по ее сыну. Это намерение не было исполнено до конца, так как едва не привело к бунту подданных хатун, когда 40 мальчиков уже было предано смерти (без пролития крови, что указывает именно на ритуальный характер их заклания)[53].

Существует точка зрения, что тело Чингисхана спрятали в пещере на Бурхан-Халдуне[54].

Изредка встречается иной взгляд на маркировку чингисханова захоронения. Например, С.С. Уолкер, ссылаясь на сообщение Journal of the Royal Geographical Society, November, 1903, говорит об огромной каменной пирамиде, сложенной над могилой Чингисхана на одной из вершин Хэнтэя[55]. Однако нам неизвестно, чтобы монголы вообще насыпали над могилами каменные пирамиды в средние века и в новое время. Скорее всего, речь идет о древнем святилище типа обо, которые сооружались на горных вершинах и перевалах в честь духов-“хозяев” этих гор. В соответствии с более поздней, буддийской классификацией обо, их существует четыре разновидности. Одна из них - “обомонарха, воздвигаемое на вершине горы”[56]. Упомянутая каменная пирамида могла иметь какую-то связь с культом Чингисхана, но необязательно - с его могилой. В Монголии в позднее средневековье обо сооружали не над могилой представителя знати, а рядом с ней. Так, большое обо сложной звездчатой конструкции было сложено в Цэцэн-хановском аймаке после погребения первого властителя этого аймака[57]. Отождествление обо с могильным курганом в русском переводе свода маньчжурских законов для монголов “Цааджин бичиг” (XVII в.) не представляется

нам достаточно убедительным: “Если кто-то пожелает соорудить умершему обо (могильный курган), то пусть сооружает. Если кто-то пожелает похоронить умершего по монгольскому обычаю, то пусть это делает каждый по своему усмотрению”[58].

Охранять Великий хориг Чингисхана был поставлен тысячник Удачи из племени лесных урянкатов[59], принадлежавший к нойонам тысяч левого крыла. Считается, что он происходил из рода простых рабов (уталу бугул)[60]. Его тысяча никогда не ходила в военные походы. Вполне правдоподобными кажутся сведения Рашид ад-Дина, что в Великом хориге были похоронены также Тулуй, Мункэ, Хубилай и представители их родов, тогда как хоригидругих родов, ведущих свое происхождение от Чингисхана, находятся в других местах[61]. Это закономерно: Тулуй, как младший сын, наследовал земли своего отца Чингисхана (так называемый коренной юрт, или “Исконное владение великого нойона”); он считался “хранителем очага”. Поэтому трудно представить место его последнего пристанища где-либо за пределами родовой земли, на которой как раз и располагается Бурхан-Халдун.

Хориг, как место упокоения ханских останков, должен был располагаться только на “своей” земле, священной родине, чтобы ханы и после жизни продолжали служить ей, аккумулируя и передавая небесную благодать. Сначала монголы соблюдали это правило неукоснительно. Тело Чингисхана было доставлено на родину из разгромленного тангутского государства Си Ся, примерно за 1600 километров. Тело Мункэ везли из-под большой китайской крепости Дали Шанк (Дяо-юй-шань) близ города Хэ-чжоу (совр. Хэ-чуань) в провинции Сычуань, при слиянии рек Фоу-цзян и Цзя-лин-цзян. Умершего хана оплакивали в разных станах четыре дня, а потом отправили на Бурхан-Халдун. Смерть Мункэ отсрочила гибель Южной Сун: осада с Хэ-чжоу была снята и монгольские войска ушли на север[62].

Когда тело Чингисхана везли в родные кочевья, а сунитский Кулугэтэй-багатур, по преданию, произносил поражающий современных исследователей своей поэтичностью плач по Чингисхану[63], возле горы Муна-хан повозка с телом великого завоевателя увязла в болотце, и ее никак не могли сдвинуть с места. Даже когда запрягли в нее “аргамаков всех пяти народов”, то и это не помогло. Народ забеспокоился, и тогда Кулугэтэй-багатур, совершив поклонение, обратился к Чингисхану с речью, чрезвычайно насыщенной символикой сакральной родины. Он напомнил хану, что там, на его священной родине, его ждет “правильно устроенный народ”, любимая жена, сыновья и все родичи его и сподвижники, Дэлигун-Болдаг, где он появился на свет, Арал в Кэрулэнской степи, где он воссел ханом, его “священные земли и воды”, и т.д. Только после этого двинулась повозка, и “до великой ханской земли тогда [его] провожали”, а здесь захоронили его одежду и чулки[64].

Оказывается, ступицы повозки увязли в этих местах не случайно. Проходя этими землями на завоевание Си Ся, Чингисхан залюбовался ими и произнес повеление:

“Вот убежище, когда в государстве непорядки,
Вот кочевье, когда в государстве мир,
Вот раздолье для медведей и оленей”[65].

Оно-то и оказало теперь магическое воздействие. В этих словах нетрудно увидеть намек на пригодность Муна-хана для создания заповедника-хориги, а мистическое происшествие с повозкой могло означать, что его функции, скорее всего, должны были выходить за рамки охотничьего заказника. Возможно, кто-то из сподвижников усопшего хана истолковал его слова как желание быть похороненным на Муна-хане (такое предположение высказано издателем и переводчиком анонимной “Алтан тобчи” Боуденом[66]), и в летописи иносказательно повествуется об имевшем место споре, когда тело “Потрясателя Вселенной” провозили мимо этой горы. Учитывая давние трения между Чингисханом и его братом Хасаром[67], можно предположить также, что сторонники последнего настаивали на создании хориги именно здесь, ссылаясь на волю Чингисхана и желая, тем самым, лишить Монголию его посмертного покровительства. На такую мысль наводит текст “Алтан тобчи” Лубсан Данзана и анонимной “Алтан тобчи”, непосредственно следующий за вышеизложенным повелением хана[68].

Муна-хан локализуется в районе Урат, в Ордосе[69]. Хотя эта гора не стала последним приютом Чингисхана, она приобрела статус общемонгольской святыни. В монгольском шаманском сочинении “Сутра кобыльих брызг” предлагается совершать возлияние кобыльим молоком различным божествам, буддам и духам-“хозяевам”, а также рекам и горам, среди которых именуется и Муна-хан[70]. Она упоминается также в “Молитве святому Чингису”[71]. Существуют и буддийские обрядники почитания Муна-хана, автором которых считается Ваджрабхадра: “Почитание и моление могущественнейшему Муна-хану”, “Могущественный Муна-хан” и др. Как видно уже из их названий, божеству-хранителю этой горы приписывается исключительная сила; разумеется, оно покровительствует буддизму. По предположению Доржи Банзарова, под этим божеством допустимо понимать дух самого Чингисхана[72].

Далее источник приводит сведения, подтверждающие особый аксиологический статус ханских останков, но путающие все построение, так как они наводят на мысль о святилище Чингисхана “Восемь белых юрт”, которое находится, как известно, достаточно далеко от родины Чингисхана - в Ордосе:

“С тех пор его вечный прах, вернувшись оттуда,
Стал опорой для ханов и дзайсанов,
Стал святыней всего народа,
Стал вечными устоями - восемью белыми юртами. Да!”[73]

После того, как под власть монголов попали огромные территории Евразии и захваченные земли были разделены между Чингисидами, монгольскую знать начали хоронить в улусах, не отвозя в Монголию. Что это могло означать? Возможно, завоеванная земля, бывшая до того “чужой”, приобрела статус “своей”, вследствие чего ее посмертная ханская протекция не только оправданна, но и, согласно средневековым монгольским представлениям, необходима. Хан должен быть похоронен в своей орде[74].

Улус следующего после Чингисхана великого хана Угэдэя располагался к западу от “коренного юрта”, которым владел Тулуй. Останки Угэдэя захоронены на высокой горе, на которой лежат вечные снега и где берут начало притоки Иртыша[75]. Анализ персидских названий стекающих с нее рек, приводящихся в труде Рашид ад-Дина, и сопоставление их переводов у В.В. Бартольда и Раверти позволили Дж. Бойлю заключить, что могилу хана следует искать на склонах высочайшей горы хребта Саур - Му-шу-шань (Музтау, 3816 метров над уровнем моря). Через Саур должен был пройти Плано Карпини, и здесь он видел “куст”, посаженный за упокой души Угэдэя[76]. Этот “куст” Дж. Бойль без сомнения считает точной копией того леса, что вырос на Бурхан-Халдуне[77].

Прославленный полководец Кайду - внук Угэдэя, сын Хашина - был признан главой всех монгольских царевичей Средней Азии. “Во многих отношениях, этот последний хан Центральной Азии был также последним из монголов”, - писал о нем Р. Груссе[78], имея в виду его приверженность старым степным обычаям в противоположность его заклятому врагу Хубилаю, ставшему на китайский манер “Сыном Неба”, или растворяющимся в исламской культуре хулагуидам. Год смерти Кайду вызывает разногласия; это было не раньше 1301 и не позже 1306 г. Его останки, а также прах некоторых скончавшихся до него царевичей, захоронены “в очень высоких горах под названием Шонхорлык, [что] между реками Или и Чу”. Дочь Кайду, известная своей независимостью и воинственным характером Хутулун-Чаха, охраняла “заповедное место погребения отца”[79].

Когда в 1271 г. накануне битвы внезапно умер соперник Кайду – правнук Чагатая Барак, Кайду приказал похоронить его на высокой горе[80]. К сожалению, каких-либо деталей этого события Рашид ад-Дин не раскрывает, и местонахождение этой горы неизвестно.

Ханское кладбище правившей в Китае монгольской династии Юань находится, по словам А.М. Позднеева, в горах Да-цинъ-шань в районе Хух-Хото[81] (ныне - центр Автономного района Внутренняя Монголия, КНР).

Изменение похоронной обрядности монголов происходило поэтапно, но все же достаточно быстро. Благодаря Рашид ад-Дину мы можем более-менее детально проследить эту трансформацию на примере хулагуидов, правивших в Иране и Закавказье[82]. Сам Хулагу был похоронен в 1265 г. на горе Шаху, находящейся напротив Диххарегана в Северо-западном Иране. Эта гора представляла собой скалу, возвышающуюся более чем на 300 м над соленым озером Урмия. Там устроили большой “заповедник” - хориг[83]. Согласно обычаю, смерть Хулагу держали до поры в тайне (ср. смерть Чингисхана, о которой сразу не сообщалось). Монгольские войска блокировали дороги[84]. Так же монголы поступили, когда скончался великий хан Гуюк, приказав всем людям оставаться там, где они были[85]. На этой же горе Шаху существовала крепость Шахутеллэ, служившая впоследствии хранилищем ханских сокровищ. Когда в 1282 г. умер сын Хулагу Абага-хан, его тело доставили в эту крепость и затем похоронили рядом с отцом[86]. Супруга Абага-хана, пережившая мужа на четыре года, нашла последний приют в другом месте - на горе Седжас[87]. Там же был погребен Аргун-хан[88], сын Абага-хана. По предположению В.В. Бартольда[89], монгольское название этой местности следует читать как Оир (“Лес”), поскольку

выбор мест для ханских кладбищ определялся наличием леса и деревьев. О посмертной судьбе других правителей из дома Хулагу - Ахмеде, Гейхату и Байду - наш источник не сообщает.

Таким образом, до сих пор речь шла о традиционном монгольском способе захоронения знатных особ на возвышенном месте (гора), где организуется охраняемая территория - хориг. Возможно, как и в Монголии, сначала никаких наружных примет могил здесь не оставлялось, хотя бытует версия о сооружении часовни над могилой Хулагу[90]. Во всяком случае, можно видеть определенную "эволюцию" похоронной обрядности: прежде всего, ханские останки не отправляют в Монголию, а хоронят на месте; далее, в качестве хоригов используется сначала одна гора, потом другая; на последней, по всей видимости, уже существовали ритуальные постройки. Впрочем, кардинальное изменение произошло со времен правления Газан-хана, обратившегося в ислам. Около своей столицы Тебриза, в г. Газание он заранее соорудил себе усыпальницу, называвшуюся Высокий гумбад[91], в строительстве которого, по сведениям Вассафа, ежедневно принимало участие 14400 человек. Градообразующим началом Газание служил садово-дворцовый комплекс, превращенный Газан-ханом в культово-мемориальный. Его мавзолей возвышался в центре прямоугольного в плане сада[92]. Свой выбор, почему он порвал с монгольской традицией, Газан-хан обосновал следующим образом: "Хотя таков обычай моих предков (хоронить в заповеднике на горах - Ю.Д.), но ежели даже мусульманин не пожелал бы, чтобы могила его была известна, то от этого соблюдение законов веры не пострадает, однако пользы в этом нет. Поскольку мы стали мусульманином, надобно, чтобы и отличительный наш признак стал, как у мусульман, особенно потому, что обряды мусульманские гораздо лучше тех обычаев"[93].

Более того, он разрушил кумирню и храм своего отца Аргун-хана, куда тот пожертвовал много имущества, считая эти сооружения языческими, и не поддался на увещания своих нойонов и жен, жаловавшихся, что теперь изображения Аргун-хана мокнут под дождем, и для упокоения его души то место следовало бы благоустроить[94].

В 1300 г. умер царевич Алачу в Уджане; гроб с его телом был доставлен в Высокий гумбад. Скорбящий Газан-хан ежедневно приходил к этому зданию[95]. Отсюда логично предположить, что Высокий гумбад предназначался ханом для упокоения не только своего тела, но и усопших родственников. В Тебризе же похоронили жену Газан-хана Керемун-хатун, которая скончалась в 1304 г. на зимовье в окрестностях Сарай Джума. Она умерла в молодом возрасте, и сильно опечаленный хан приказал, "чтобы то, что относится к обязанности [соблюдения] порядков и обрядов в отношении нее, исполнили бы на все лады"[96]. Возможно, слова "на все лады" могли означать, что над телом хатун были совершены обряды как монгольские, так и мусульманские.

Любопытно, что в Карши, близ современного г. Нахшеба, над могилой хана Кебека (1318 - 1326) из дома Чагатая, остававшегося до своих последних дней приверженцем шаманизма, был позже возведен куполообразный мавзолей[97].

“Ханские куруки, устроенные монголами вне пределов Монголии, под влиянием ислама были забыты еще быстрее, чем куруки в Монголии под влиянием буддизма”, - писал В.В. Бартольд[98]. Мы полагаем, что главной причиной упадка этой традиции на востоке монгольской империи был все же не буддизм, а разгоревшаяся среди потомков Чингисхана вражда, особенно между домами Угэдэя и Тулуя. Кроме того, с 1260 г. политическим центром империи становится лежащая за пределами Монголии резиденция Хубилая – г. Ханбалык, и сохраняет этот статус до 1368 г. После падения Юань, в период феодальных смут в Монголии охрана прежних хориг, по-видимому, совершенно прекратилась, и представители “золотого”, т.е. ханского, рода по каким-то причинам перестали их посещать и даже утратили память об их местонахождении. Можно предположить, что окончательное забвение святилища на Бурхан-Халдуне произошло во второй половине XV в., когда с берегов Толы, Керулена и Орхона центр монгольской политической жизни вновь сместился на юг - на этот раз в районы Чахара, куда передвинулась и ставка всемонгольского хана. Местом паломничества чингисидов становится мемориальный комплекс Эджен-хоро в Ордосе. Именно там потомки обращались к духу Чингисхана и получали от него подтверждение своих притязаний на власть. Этот комплекс, известный под названием “Восемь белых юрт”, представляет собой реликварий самого Чингисхана, его четырех жен и семьи Тулуя. Он был основан еще Хубилаем[99]. В 1956 г. вместо юрт там сооружен храм[100]; ранние же описания этого места удивляют резким противоречием между легендами и действительностью. Согласно преданиям, при приближении к святилищу постороннего человека из его носа, ушей и глаз начинала течь кровь, а если он все же успевал добраться до святилища и осквернял его, то тут же падал замертво, пронзенный невидимой стрелой[101]. Широко известен эпизод гибели ойратского Тогон-тайши, пытавшегося в 1439 г. узурпировать власть в Монголии. Его непочтительное отношение к духу Чингисхана в Эджен-хоро стоило ему жизни. Рассказ об этом событии содержится в нескольких монгольских летописях[102]. Отсюда мы вправе ожидать неприкосновенность и первозданную чистоту Эджен-хоро как минимум до расстояния полета стрелы, но фактически в начале XX в. там царил чрезвычайная неухоженность и запущенность, поразившая посетивших мемориал Ван Оста и Ц. Жамцарано[103].

Старательно заботясь о неприкосновенности останков своих ханов, монголы в то же время уничтожали кости правителей враждебных государств, вероятно, с целью ослабить силу их рода и прервать контакт чужой земли с Небом[104]. Несмотря на монгольское понятие о своем хане как о единственном легитимном ставленнике Неба на земле, обычай раскапывать захоронения и сжигать останки позволяет допустить мысль, что монголы не исключали возможность непосредственного и постоянного контакта с Небом правителей других государств. Насколько нам известно, они не пытались поставить себе “на службу” кости правителей, не успевших или не пожелавших изъявить покорность монгольскому хану. Кроме того, противник не мог считаться вполне обезвреженным, пока оставались целы его кости. “Просто убийство наиболее опасного врага не дает герою уверенности, что тот не вернется вновь и не найдет на него беды. Поэтому только когда герой сожжет кости врага в огне и сотрет остатки их в прах, он может считать, что его враг полностью уничтожен”[105].

Согласно сообщению Ибн ал-Асира, в Мерве монголы сожгли гробницу сельджукского султана Санджара (1118 – 1157) и перерыли его могилу, ища деньги[106]. Возможно, на самом деле их целью были не только деньги или другие сокровища султанской усыпальницы, но и останки самого Санджара. Возле города Туса в Хорасане монголы разгромили мавзолей Харун ар-Рашида[107]. В Багдаде они предали разрушению захоронения аббасидских халифов[108]. Не останавливались монгольские завоеватели и перед разорением христианских могил, особенно если было известно, что в них покоились знатные люди[109].

Последний правитель империи Цзинь Нинъясу (Ай-цзун, правил в 1224-1234 гг.) отрекся от престола и покончил с собой в осажденном монголами г. Цайчжоу (совр. г. Жунань в провинции Хэнань). Захватив город, монголы потребовали выдать его голову, но китайцы, бывшие в то время союзниками монголов, ответили отказом, ссылаясь на то, что труп императора сгорел в пожаре. Трогать его могилу китайцы не хотели, и вместо головы Нинъясу монголам передали руку какого-то другого человека. Монголам пришлось с этим смириться[110]. По другой версии, китайцы скрылись вместе с прахом Ай-цзуна, не желая выдавать его монголам[111].

В сочинении Тао Цзунъи, жившего в период правления последнего императора Юань Тогон-Тэмюра (1333 - 1370), “Нань-цунь чжо-гэн лу” (“Записки, сделанные во время перерыва в пахоте в южной деревне”) рассказывается о раскопках монголами могил сунских императоров. Сведения об отправке послов на розыски этих захоронений содержатся также в “Гуй-чжай вэнь-цзи” (“Собрание сочинений Гуй-чжана”), написанном Оуян Сюанем, который до правления Буянту-хана (1311 - 1320) служил в Академии истории[112].

Сведения совсем иного характера сообщает Марко Поло о решении, вынесенном Хубилаем в отношении некоей царской усыпальницы в г. Мян, находившемся, по-видимому, на реке Иравади в Бирме. В этом городе в отдаленные времена правитель приказал соорудить над своей могилой две башни из золота и серебра. Построены они были ради его возвеличивания и во спасение его души. Завладев городом, монголы послали хану сообщение о ценности этих башен и спросили, следует ли их разрушить, а золото с серебром отправить к нему. Хубилай, якобы знавший о причине возведения башен, распорядился их не трогать, демонстрируя, тем самым, уважение к останкам того правителя и памяти о нем. “И все это нисколько не удивительно: татары от мертвого добра не берут”, - резюмирует знаменитый венецианец[113]. В свете того, что нам известно о монгольских захватнических войнах, это как раз-то и удивительно, хотя Хубилай, испытавший на себе сильное влияние китайской культуры, для той эпохи мог бы считаться весьма гуманным монархом, и был способен на такой жест.

Видимо, зная о том, как монголы поступают с могилами врагов, сын последнего хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада, Джалал ад-Дин, прославившийся упорной борьбой с монгольскими завоевателями, перенес прах своего отца в крепость Ардахн, представлявшуюся ему безопасным местом. В Исфahanе он приказал построить усыпальницу и возложил руководство строительством на старшего

конюшего Мукарраб ад-Дина, который омывал тело хорезмшаха Мухаммада, умершего в декабре 1220 г. при бегстве от монголов на пустынном острове в Каспийском море. Секретарю ан-Насави пришлось писать соответствующие грамоты на имя Мукарраб ад-Дина. “И клянусь жизнью, что я писал эти грамоты неохотно и считал их мнение неразумным. Я поведал ал-Мукаррабу некоторые свои мысли и открыл ему кое-какие тайны: ведь я знал, что его труп (хорезмшаха - Ю.Д.) - да прохладит его Аллах освежающим ветром - не был сожжен татарами только потому, что к нему трудно было добраться. Они уже сожгли кости всех погребенных султанов, в какой бы земле они ни находились, так как они считают, что все эти султаны [имеют] общего предка и одного рода. Даже кости Йамин ад-Даулы Махмуда ибн Себюк-Тегина - да помилует его Аллах - были извлечены из его могилы в Газне и сожжены. Однако то, что я сказал, не понравилось Мукарраб ад-Дину, и поэтому я прекратил разговор. А дело было впоследствии именно так, как я предполагал: татары, покончив с султаном [Джалал ад-Дином] на границах Амида, о чем мы еще расскажем, осадили упомянутую крепость (Ардахн), захватили останки [султана Мухаммада] и отправили к ал-хакану (Угэдэю - Ю.Д.), а тот сжег их”[114]. Последнее обстоятельство представляет особый интерес. Оно, по-видимому, указывает на ритуальный характер уничтожения останков враждебных правителей, причем этот своеобразный ритуал должен был проводить сам великий хан. Думается, что только человек, сам являющийся носителем харизмы, мог успешно нейтрализовать ее в другом лице, живом или мертвом.

Являлись ли монголы создателями оригинальных погребальных традиций или что-то заимствовали? Известно, например, что приемы ведения войны, в том числе самые, на современный взгляд, бесчеловечные, которые ныне порой ставятся средневековым монголам в вину, не были монгольским изобретением. Практически все детали военных действий, обнаруживаемые в источниках XIII-XIV вв., имеют аналоги в описаниях военных походов киданей в X-XII вв. Но способ захоронений киданьских императоров сильно отличается от монгольского[115] и тяготеет к китайской похоронной обрядности[116]. Императорские мавзолеи киданей располагались на крутых горных склонах в верхней части лощин, ориентированных чаще на юго-восток, и окруженных высокими горными хребтами, которые местами были усилены искусственными валами. Вход в лощины закрывался воротами, от которых к мавзолеям прокладывалась дорога[117]. Первый киданьский император Абаоцзи (907 – 926) был похоронен на горе Муешань, и над его могилой возвышался зал Миндянь. Гора находилась в 5 ли (около 2,5 км) к западу от главного города в “Области предков” (Цзучжоу) при слиянии рек Лаохахэ и Шарамурень[118]. Описание кладбища императоров Ляо оставил Ху Цяо – начальник уезда Хэян в области Тунчжоу, побывавший у киданей и лично его видевший: “Двигаясь дальше на юго-запад, и проезжая в день по 60 ли[119], через семь дней подъехали к большим горам-воротам, образуемым двумя высокими горами, отстоящими одна от другой на расстоянии 1 ли. Здесь росли высокие сосны, густая трава, летали редкие птицы, бегали удивительные звери. Имелись строения и каменные памятники, и, как сказали, тут находилось императорское кладбище. Уюй вошел на кладбище для принесения жертв. Из вождей различных племен могли войти только несущие жертвенные сосуды. Когда они вошли на кладбище, ворота закрыли. На следующий день ворота открыли, это называется паочжань. По окончании церемонии я спросил, что это за церемония, но все хранили ее в тайне, и никто не согласился рассказать о

ней”[120]. Таким образом, места погребения не только не скрывались, но и благоустраивались. Вместе с тем, доступ посторонним был туда запрещен.

Чжурчжэни - исконные враги монголов, также едва ли могли повлиять на монгольскую обрядовую практику, ибо тоже испытали сильное китайское влияние. “Императорские погребения - мавзолеи китайского типа - впервые стали строиться при Хай-лин-ване одновременно с открытием храма императорского предка. До этого чжурчжэньские племенные вожди-царьки и цзиньские императоры Тай-цзу и Тай-цзун находили последнее пристанище в “Роще охранителей государства” (Хуголинь) в Шанцзине”[121]. Чжурчжэни тоже имели представление о важной посмертной роли монарха, но, в отличие от монголов, они не только не стремились разрушать некрополи своих врагов, но даже предусматривали суровое наказание для тех, кто осмелился бы потревожить императорские останки: “Уже в то время вера в могучую силу духа умершего укоренилась столь прочно, что в разгар войны с киданями чжурчжэни заботились о сохранности киданьского императорского кладбища. По указу 1123 г. велено “тех, кто будет грабить и разрушать кладбище государей Великого Ляо, предавать за это преступление смертной казни””[122].

Иначе происходило также захоронение вождей исторических предшественников монголов в центрально-азиатских степях - древних тюрок и уйгуров, могилы которых узнаются по курганам, стелам, каменным бабам и т.п. атрибутике. Более прямые аналогии можно установить с погребальными церемониями хунну и сяньбийцев. Относительно первых известно, что “для похорон [у них] есть внутренний и внешний гроб, [с покойником кладут] золото и серебро, одежду и шубы, но [они] не насыпают могильных холмов, не обсаживают могилы деревьями и не носят траурных одежд”[123]. А когда в 405 г. скончался предводитель одного из сяньбийских племен – Мужун Дэ, “в ту же ночь было сделано свыше десяти гробов, которые вынесли через четверо городских ворот и тайно зарыли в горных долинах, так что местонахождение его трупа осталось неизвестным”[124]. Ши Лэ – правитель династии Поздняя Чжао, созданной в IV в. на севере Китая другим кочевым народом – цзе, тоже был погребен ночью в горной долине. После этого подготовили ритуальные предметы и устроили фиктивные похороны[125]. Мать Ши Лэ также была предана земле тайно в горах, а через некоторое время было совершено жертвоприношение девятью комплектами жертвенных животных и захоронен пустой гроб[126].

Вернемся непосредственно к монголам. За лаконичным описанием весеннего посещения “Земли предков” женами Амбагай-хана в “Сокровенном сказании”[127] угадывается обычное ежегодное родовое жертвоприношение духам предков. Представляло ли строгий секрет то место, где покоились предки, и осуществлялась ли его охрана, нам неизвестно. Возможно, в обоих случаях следует ответить отрицательно.

Д.В. Дубровский обосновывает тезис, что тайный характер монгольских захоронений - инновация середины XIII в., продиктованная необходимостью сбережения могил от магического осквернения во враждебной инокультурной среде завоеванных стран, где монголы составляли малочисленную

корпоративную группу. По этой же причине останки ханов и других высокопоставленных лиц транспортировали для погребения на родину[128].

В принципе, любой народ, оказавшийся во враждебном окружении, должен был заботиться о сохранении своих святынь, к числу которых, безусловно, принадлежали и могилы предков, в особенности – знатных лиц, правителей. Одним из простейших методов для достижения этой цели было укрывание кладбищ от посторонних, а также их охрана. Затем, по мере подавления врагов, упрочения своего положения и расширения территорий, можно было не только прекратить практику создания “заповедников”, но и, напротив, делать могилы правителей местом паломничества. Такую роль играл, например, квази-некрополь Чингисхана в Эджен-хоро, о чем мы уже говорили.

Это вполне рациональное объяснение, которое ни в коем случае нельзя недооценивать, но оно, по нашему мнению, не исчерпывает проблемы. Во-первых, захоронения монгольской знати в горах совершались и до начала завоеваний XIII в. Достаточно вспомнить, например, слова Ван-хана кереитского: “Ведь я уже стар. Я до того одряхлел, что пора мне восходить на вершины. Когда же я в преклонных летах взойду на горы, на скалы, кто же примет в управление весь мой улус?”[129] А что касается необходимости укрывать места погребения племенных вождей от врагов, то в прежние времена она должна была быть ничуть не менее актуальной: “Звездное небо поворачивалось - была всенародная распря. В постель свою не ложились - все друг друга грабили. Вся поверхность земли содрогалась - вседневная брань шла. Не прилечь под одеяло - до того шла общая вражда”, - повествует “Сокровенное сказание”[130].

Во-вторых, монгольский хан – наместник Неба на земле. Эту мысль настойчиво внушал Чингисхану Тэб-Тэнгри, чаще всего считающийся шаманом, хотя, возможно, таковым и не являвшийся. Поэтому захоронение Чингисхана, а равно и следующих великих ханов, должно было отвечать этому высокому космологическому статусу и находиться вне досягаемости не только врагов, но и простых смертных. Величие же улусных ханов не могло соперничать с величием всемонгольского хана, а кроме того, оно, за немногими исключениями, с течением времени прогрессивно снижалось как в военно-политическом, так и в идеологическом отношении.

Рассмотренные изменения похоронной обрядности монголов не только служат показателем происшедших перемен в мировоззрении кочевников, но и могли иметь определенное отражение на особенностях их взаимоотношения с окружающей средой. В целом, кочевые народы Центральной Азии, в том числе монголы, широко известны в качестве мудрых природопользователей, почти до наших дней сохранивших свои степи в близком к первозданному виде. Но они же заслужили репутацию безжалостных разрушителей всего, что вставало на их пути во время завоевательных походов, не исключая, видимо, и природы покоряемых стран. Возможным объяснением этого противоречия является тот факт, что кочевники, имевшие в то время в своем мировоззрении немало архаических элементов, отчетливо видели грань в оппозиции “своя земля” - “чужая земля” с вытекающими отсюда последствиями, которые мы назвали бы экологическими. На

“чужой земле”, по-видимому, дозволялось обращаться с природой так, как представлялось немислимым в отношении природы “своей земли”, сакральной родины, населенной не только живыми сородичами, но и духами предков. Мы солидарны с И.С. Урбанаевой в том, что “Культ предков... имел глубокое экологическое значение”[131].

Если монгольские завоеватели хоронили улусных ханов на захваченной земле, то, тем самым, они признавали ее “своей” не только и не столько в правовом, сколько в сакральном смысле. Посредством организации хориг они позволяли небесной благодати изливаться на нее и “конденсироваться” в останках хана. Следовательно, отношение к такой земле должно быть иным, существенно более бережным, чем в период завоевания и некоторое время после: экономика начинает ориентироваться не на максимально быстрое и по возможности полное извлечение всех наличествующих природных ресурсов, а на стабильное ведение хозяйства в течение теоретически неограниченно долгого времени. Поэтому дальнейшей деградации и разрушения природной среды либо не происходит, либо негативные изменения накапливаются сравнительно медленно и постепенно.

В последующие века на монгольскую похоронную обрядность значительное влияние оказал буддизм[132]. По буддийским понятиям, душа[133] воплощается по закону кармы, невзирая на кровное родство. Это делает бессмысленным почитание духов предков. После выполнения буддийского похоронного ритуала “в могиле ничего не остается - главную душу отправили в “чистые земли” будд, первоэлементная основа тела растворилась в дхармах бытия, через 49 дней душа переродится среди живых”. Тем самым отпадает необходимость в совершении регулярных обрядов на родовых кладбищах[134].

В Монголии в соответствии с буддийскими предписаниями полагалось предавать умерших одной из мировых стихий - земле, огню, воздуху, воде или дереву, исходя из астрологических данных покойного. Сами по себе эти способы не являлись принципиально новыми, но изменилась их смысловая нагрузка. Впрочем, в действительности, обрядность шла по пути упрощения, и труп, как правило, после совершения обрядов оставляли в степи, где его вскоре уничтожали хищники[135]. Оставляя умершего на съедение хищникам, родственники проявляли о нем своеобразную заботу, так как верили, что чем быстрее его плоть будет уничтожена, тем скорее он возродится к новой жизни, а помимо этого, покойный приобретал еще одну религиозную заслугу, послужив пищей для страждущих живых существ. Одновременно, родственники заботились и о себе: посредством уничтожения трупа, они избавлялись от связанных с ним спиритуальных опасностей.

Буддийские ламы принимали меры по десакрализации родоплеменных божеств-покровителей посредством “обращения” их в буддизм и последующего обезличивания, а тех из них, кто не желал отзываться на мирную проповедь, подавляли магическими приемами. Поскольку обожествленный Чингисхан почитался как гений-хранитель “золотого рода” борджигинов и чтился также простыми монголами[136], а тем более требовал кровавых жертвоприношений,

его личность не могла остаться без внимания буддийских проповедников. В популярном изложении Е.И. Кычанова, встреча двух традиций протекала в Эджен-хоро следующим образом: "...в древности Чингис-хану приносились и человеческие жертвы. Кроважадного Чингиса смирил тибетский панчен-лама. Оставшись в юрте один на один с прахом великого хана, этот живой бог перепоясал высохшее тело хана красным кушаком и сказал: "Отныне ты должен быть милосердным и не убивать живых людей! В жертву тебе должны приносить лошадей, а не людей!" Затем он запер раку тремя замками, а ключи увез с собой. С тех пор дархаты-хранители сами не знали, что лежит в усыпальнице хана"[137].

Любопытна посмертная судьба Алтан-хана тумэтского, с чьим именем связывают начало второй волны распространения буддизма в Монголии. Он скончался в 1582 г., спустя всего четыре года после исторической встречи с главой буддийской секты гелугпа Соднам Джамцо, которого он удостоил звания Далай-лама. Когда Далай-лама прибыл в Хух-Хото по приглашению сына Алтан-хана Сенге Дугуруна, он спросил последнего, где покоится прах его отца. Узнав, что он по монгольскому обычаю был предан земле (источник не уточняет, было ли это в горах или в долине), Далай-лама счел это совершенно недопустимым и сказал: "Как вы могли такую редкую драгоценность бросить в землю? Необходимо изъять его из земли и замуровать в субурган". Сенге воздвиг в Хух-Хото серебряный субурган, поместил туда прах отца, а Далай-лама освятил сооружение[138].

Тем не менее, ламам приходилось считаться с древними обычаями. В частности, останки знатных лиц по-прежнему старались поместить ближе к Вечному Небу, т.е. на вершинах гор. В недавнем прошлом в Западной Монголии умерших людей "белой кости" сжигали, из пепла и глины делали пирамидки-"цац" и относили их на вершину горы[139]. Иногда в горах погребали высших буддийских иерархов. Например, в Эрзинском районе Тувыкамбу ламу (монг. хамбо лама - настоятель монастыря) похоронили высоко в горах в уединенном месте[140].

Во владениях Цэцэн-хана, на горах Йэхэ и Бага Тогос-хан-ула располагались места для погребения знати, находившиеся под охраной специальных стражников. В могилы клали много золота и серебра[141]. Некрополь нойонов Сайн-нойонского аймака (точнее, то, что от него оставалось), находившийся в горах Хангая, в урочище Арсалан-магнэ, посетил П.К. Козлов в 1925 г.: "Поднявшись по очень крутой звериной тропке выше границы леса, мы оказались на каменистом безжизненном плато, частично укрытом снегом. Почти у самого плоского гребня хребта, на высоте 2740 м, на покатоj луговой площадке мы увидели 12 могил. Некоторые были плотно выложены каменными плитами с небольшим квадратом из дерна посередине, в центре которого покоился большой камень. На одной могиле, повидимому более древней, центральный камень частично погрузился в землю, здесь же были видны остатки провалившегося сруба. Шесть могил стояли за деревянным забором самой примитивной работы: лиственничные бревна были просто поставлены частоколом... Другие шесть могил ограды не имели. Некоторые могильные холмы были украшены деревянными моделями субурганов, на ограде висели писанные изображения божеств: Будды, Дархэ и Цзонхавы. По словам местного населения, эти могилы являются усыпальницей тринадцати поколений ханов, управлявших и владевших хошуном Сайн-нойон. До 1922 года могилы охранялись постоянными сменными

дежурными. Сейчас стража отсутствует, ограда разрушается, исчезают также и писанные бурханы...”[142].

Известному российскому этнологу Н.Л. Жуковской удалось исследовать единственный сохранившийся до наших дней в Монголии некрополь, где покоились останки пяти нойонов Дзасактухановского аймака (ныне это местность Шарилийн-цагаан-чулуу в сомоне Цэцэрлэг Хубсугульского аймака на севере Монголии). Самое раннее погребение датируется XVIII в., самое позднее - 1919 г. Некрополь располагался на вершине горы и состоял из пяти срубных построек без дверей и окон, поставленных почти впритык друг к другу. За наружным срубом находился внутренний, а за ним - деревянный саркофаг с останками. Тело покойного заворачивали в ритуальные шарфы -хадаки, затем в белый войлок, и помещали в саркофаг в позе махапаринирваны Будды, т.е. на правом боку с согнутыми ногами, ладонь правой руки под правой щекой, лицо обращено к западу. Дно саркофага выстилали можжевельником, а все свободное пространство заполняли кусками соли. В результате, тела мумифицировались. Это место являлось запретным. Лишь однажды, в день похорон, его могли посетить все подданные умершего нойона. После завершения постройки сруба и проведения жертвоприношения к некрополю имели доступ только специально назначенные ламы, да и те наведывались сюда лишь два раза в год для совершения поминальных обрядов. В 1929 г. некрополь подвергся разрушению, но ламы продолжали свою службу в течение еще некоторого времени[143].

Факт разорения кладбища нойонов глубоко символичен. Можно даже предположить, что это было сделано не столько в надежде отыскать среди костей что-то ценное, сколько из желания отомстить “угнетателям”. Так или иначе, окрестности Шарилийн-цагаан-чулуу, а также Арсалан-магнэ и прочих мест захоронений лишились своих сверхъестественных покровителей и той благой, упорядочивающей силы Неба, которая изливалась через их останки.

Уничтожение и осквернение могил предков - шаг к десакрализации среды обитания, к ослаблению удивительного феномена традиционной кочевой культуры народов Центральной Азии, получившего название “духовной оседлости”. Земля, переставшая в сознании людей представляться священной и патронируемой духами, в том числе духами ушедших поколений, лишившаяся притока небесной силы, легко становится жертвой неумеренной эксплуатации. Именно это и имело место в Монголии в XX в. Поэтому происходящее сейчас возрождение древних традиций, включая культ Чингисхана в качестве общемонгольского покровителя, можно расценивать как позитивный экологический фактор. В этой связи заслуживает внимания протест части монгольского общества против дальнейших поисков могилы Чингисхана, а тем более раскопок, если она все же будет найдена.

Опубликовано: Дробышев Ю. И. Похоронно-поминальная обрядность средневековых монголов и ее мировоззренческие основы // Этнографическое обозрение, 2005. № 1. С. 119–140.

ЛИТЕРАТУРА:

- [1] В монгольском языке эту силу именуют сульдэ, в тюркских - кут. Ее китайский аналог - дэ. Не обладающий харизмой монарх лишался права возглавлять государство. Понятие о благой силе Неба и связанным с ней "небесным мандатом", дающемся Небом императору, с древности подробно разрабатывалось в китайских политических учениях (см., напр.: От магической силы к моральному императиву: категория дэ в китайской культуре. М., 1998. 422 с.). Возможно, из Китая оно проникло в Центральную Азию, но нельзя исключить и его автохтонного происхождения.
- [2] Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М., 1997. 216 с. Те или иные аспекты сакрализации власти в средневековой Монголии нашли отражение также в ряде других публикаций этого автора.
- [3] Там же. С. 168.
- [4] Онгон - изготовленное из войлока, меха, дерева или другого материала антропоморфное изображение, как правило, символизирующее духа предка.
- [5] Там же. С. 176-177.
- [6] Киракос Гандзакечи. История Армении. Пер. Л.А. Ханларян. М., 1976. С. 169.
- [7] Ему приписываются такие слова: "Хватит разорений и истреблений, после этого не следует истреблять всех наших покоренных, ибо этим мы можем разгневать бога" (Армянские источники о монголах: Извлечения из рукописей XIII - XIV вв. Пер. А.Г. Галстяна. М., 1962. С. 46).
- [8] Скрынникова Т.Д. Указ. соч. С. 169.
- [9] Балбалы - камни, которые древние тюрки ставили возле захоронений своих вождей. Символизировали убитых покойным героем врагов. Существует также точка зрения, согласно которой балбалы служили "маркерами" пути покойного на небо, почему они ориентированы, как правило, на восток.
- [10] Скрынникова Т.Д. Указ. соч. С. 180.
- [11] Впрочем, весьма маловероятно, чтобы человек низкого происхождения мог сколько-нибудь долго обладать без риска для себя останками хана или предметами, являвшимися символами ханской власти и, соответственно, насыщенными харизмой.
- [12] Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М. - Л., 1941. § 201. По версии "Сокровенного сказания", Джамуха был удостоен почетной смерти без пролития крови (там же). Однако Рашид ад-Дин говорит о его мучительной казни: тело Джамухи заживо разрезали сустав за суставом, причем Джамуха подзадоривал своих палачей и признавал, что, окажись на его месте Чингисхан, его ждала бы такая же участь (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Пер. Л.А. Хетагурова. М.-Л., 1952. Т. 1. Кн. 1. С. 191-192). Возможно, такой способ казни, равно как и нарушение целостности останков человека, преследовал цель оказать магическое воздействие на душу, помешать ей воплотиться в нового члена своего рода. Существует мнение, что подобным образом был казнен ордосский князь Саган Сэцэн, автор знаменитого исторического сочинения "Эрдэнийн тобчи" (Бира Ш. Монгольская историография (XIII – XVII вв.). М., 1978. С. 252).
- [13] И.С. Урбанаева полагает, что Джамуха в данном эпизоде жертвенно обещал стать гением-хранителем Чингисхана (Урбанаева И.С. Человек у Байкала и мир Центральной Азии. Улан-Удэ, 1994. С. 209).
- [14] В Китае такую душу называли "тяжелой".
- [15] Герасимова К.М. Ламаистский похоронный обряд в Бурятии // Вопросы преодоления пережитков прошлого и становления новых обычаев и традиций. Улан-Удэ, 1969. Вып. 2. С. 117.

- [16] Березиков Е. Магический камень Тимура // Звезда Востока. Ташкент, 1990. № 4. С. 132.
- [17] Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893. С. 63-64.
- [18] Гесериада. Пер. С.А. Козина. М.-Л., 1935. С. 197-198.
- [19] Там же. С. 192.
- [20] Впрочем, во время дунганского восстания в 1870-х гг. реликварий Чингисхана тоже не избежал разграбления и осквернения.
- [21] Об этом см.: Скрынникова Т.Д. Восточноазиатская традиция и буддизм у монголов // Методологические и теоретические аспекты изучения традиционной духовной культуры Востока. Улан-Удэ, 1998. Вып. 3. С. 3-25.
- [22] Подобные взгляды существовали у некоторых других народов, откуда исследователи выводят традицию сохранять тела умерших вождей путем бальзамирования (ср. обычай сохранять мощи святых и поклоняться им в христианстве и других религиях).
- [23] По-монгольски хориг - "запретное", "заповедник". Тюркский эквивалент - гурук или курук. Как известно, монгольские феодалы пользовались правом объявлять запретными те или иные участки своих владений, отводившиеся под кладбища или охотничьи угодья, куда пресекался доступ простых людей (Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 112). Интересный краткий обзор этой своеобразной формы землепользования монголов см. у Г. Серройса: Serruys H. Mongol "Qorig": Reservation // Mongolian Studies. Journal of the Mongolia Society. Vol. I. 1974. Pp. 76-91. Подробнее см.: Drobyshev Y.I. Naturereserves, kuruk as a phenomenon of the traditional culture of Central Asia // IASCCA Information Bulletin. Issue 24. Moscow, 2004 (в печати).
- [24] Возможно, предназначение раба – "перенести" своего господина в иной мир. "Перенос" мог осуществляться, когда раб впадал в бессознательное состояние, но еще оставался живым, т.е. принадлежал одновременно обоим мирам. Впрочем, есть мнение, что, согласно монгольским шаманистическим представлениям того времени, душа покойного покидает мир живых на крыле птицы.
- [25] Плано Карпини. История моголов // Путешествия в восточные страны. М., 1997. С. 38-39.
- [26] Киракос Гандзакци. История Армении. С. 173.
- [27] Р.С. Липец совершенно справедливо замечает, что каждый народ, широко использовавший лошадей в качестве транспортных и боевых животных, стремился обеспечить своих умерших воинов лошадьми и в загробном мире (Липец Р.С. Отражение погребального обряда в тюрко-монгольском эпосе // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 213). Подробнее этот вопрос освещен в монографии: Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990. С. 51-85.
- [28] Рерих Ю.Н. Монголо-тибетские отношения в XVI и начале XVII в. // Монгольский сборник. М., 1959. С. 196.
- [29] Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествия... С. 101.
- [30] Сокровенное сказание. § 268.
- [31] Лубсан Данзан. Алтан тобчи. Пер. Н.П. Шастиной. М., 1973. С. 242.
- [32] Балданжапов П.Б. Altan Tobči. Улан-Удэ, 1970. С. 154.
- [33] Иакинф (Н.Я. Бичурин). История четырех первых ханов из дома Чингисова. СПб., 1829. С. 137. Е.И. Кычанов переводит "ущелье Циняньгу" (Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1995. С. 208). Это уточнение заставляет относиться к сообщению "Юань-ши" с еще большей осторожностью, так как ущелье - это, выражаясь языком физической географии, отрицательная форма рельефа, а центрально-азиатская похоронная обрядность требует положительных форм (горы, холмы или искусственные насыпи - курганы).

- [34] Иакинф. Указ. соч. С. 285.
- [35] Базарова Б.З. Летопись “Монгол борджигид обог-ун тэукэ” как источник по истории Монголии. Дисс. ... к.и.н. М., 1981. С. 36.
- [36] Балданжапов П. Монгольская летопись “Эрдэнийн эрихэ”: Дисс. ... к.и.н. М., 1956. С. 340.
- [37] Там же. С. 306.
- [38] Там же. С. 433.
- [39] Тажибаев К. Поиски могилы Чингисхана // Азия и Африка сегодня. 1991. № 7. С. 14.
- [40] Сокровенное сказание. § 70.
- [41] Пэрлээ Х. Где Великое запретное место с останками монгольских ханов (Ике-Хориг)? // Труды монгольских историков (1960 – 1974). Аннотированная библиография. Сост. Ц. Ишдорж, Д. Дорж. Ред. Ш. Бира. Улан-Батор, 1975. С. 117.
- [42] Bazargur D., Enkhbayar D. Chinggis Khaan. Historic-geographic atlas. Ulaanbaatar, 1997. P. 46-47.
- [43] Гомбоин Ч.Д. Их-хориг – заповедная зона предков: постановка проблемы // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Улан-Удэ, 2003. С. 545-551.
- [44] Книга Марко Поло // Путешествия... С. 235.
- [45] Этой точки зрения придерживается ряд исследователей: Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Элиста, 1991. С. 129; Grousset R. The Empire of the Steppes. Rutgers Univ. Press, 1994. P. 248; Груссе Р. Чингисхан: Покоритель Вселенной. М., 2002. С. 231-232; Владимирцов Б.Я. Чингисхан // Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 198; Перих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы. Самара, 1999. С. 302; Скрынникова Т.Д. Бурхан-Халдун – сакральный центр средневековых монголов // Чингисхан и судьбы ... С. 344-349.
- [46] Сокровенное сказание. §§ 100-103.
- [47] Дж. Бойль полагает, что деревья могли быть посажены искусственно (Boyle J.A. Thethirteen-century Mongol's conception of the after life: The evidence from their funerary practices // Boyle J.A. The Mongol world empire. 1206 - 1370. London, [Б.г.]. P. 10). С этим предположением, пожалуй, можно согласиться, особенно если учесть тот факт, что монголы хоронили умерших на южных склонах гор, где древесная растительность поставлена в очень жесткие условия существования и с трудом конкурирует со степными травами. Внезапное появление леса могло произойти, если степной покров либо был нарушен каким-то стихийным воздействием (оползень и т.п.), либо был намеренно уничтожен и на его место посажены деревья. Но и этого недостаточно. Если за молодыми посадками не осуществлять определенный уход, степь вскоре вернет утраченные позиции. Возможно, этим занималась стража хориги.
- [48] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Пер. О.И. Смирновой. М.-Л., 1952. Т. 1. Кн. 2. С. 233-235.
- [49] То, что в данном случае речь может идти именно о “Мировом Древе”, находит подтверждение в описаниях других аналогичных событий. Однажды во время подавления мятежа эмира Хорасана Новруза, происходившего в 1296-1297 гг., потомок Хулагу Газан-хан остановился на ночь с несколькими приближенными в поле в окрестностях Керманшахана (современный г. Бахтаран в Западном Иране). Напротив росло тенистое дерево. Тревожные размышления Газан-хана оказались прерванными радостью и весельем, пришедшими из “потустороннего мира”. Впоследствии мятеж был подавлен, и тогда Газан-хан вспомнил эту ночь и это дерево. Он прибыл туда со своей свитой, расплакался, возблагодарил Всевышнего и совершил молитву по мусульманскому обычаю (он принял ислам в 1295 г.), а затем обратился к присутствующим с наставлением. Они “привязали к

тому дереву знаки, и оно сделалось как бы местом паломничества”. Затем заиграла музыка, и ханская свита пустилась в пляс. Бывший с ними знаток монгольской старины Пулад-чинсанг, один из важнейших информантов Рашид ад-Дина, рассказал историю о Хутуле (у Рашид ад-Дина - Кубила-каан) - сыне Хабулхана, основателя первого монгольского государственного объединения (Хамаг монгол улус). Отправляясь в военный поход, Хутула-хан спешился под одиноким деревом, вознес молитву “древнему богу” и пообещал, в случае победы, украсить это дерево и сделать его местом паломничества. Одержав победу, он так и поступил. Благодарственная молитва завершилась пляской воинов, которые так топтали ногами, что земля оказалась в рытвинах (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Пер. А.К. Арендса. М.-Л., 1946. Т. 3. С. 192).

Эта пляска, имевшая, по-видимому, ритуальное значение, описана также в “Сокровенном сказании” (§ 19), где точно указано место - урочище Хорхонах-чжубур у истоков р. Онон, однако, причина названа другая - возведение Хутулы на ханский престол. Совпадает характеристика дерева - “развесистое”, что, скорее всего, говорит о его одиночном стоянии в степи. В лесу деревья, как правило, не развесисты, так как вследствие конкуренции друг с другом за свет они устремлены вверх. Кроме того, из “Сокровенного сказания” (§ 117) известно, что это дерево росло на южном склоне горы Худалхаркун, а в Монголии в силу особых природно-климатических условий деревья обычно заселяют тенистые северные склоны гор, и лишь немногие способны расти на южных сухих склонах (см. также примеч. 47). Совпадает также интенсивность пляски: “выбоины образовались по бедру, а кучи пыли - по колено”. Это дерево в Хорхонах-чжубуре, действительно, продолжало служить местом паломничества и проведения обрядовых действий. Именно там Тэмучжин и Джамуха устроили по случаю своего побратимства веселье и пир (Сокровенное сказание. § 117). Похоже, что оно способствовало проявлению у находящихся под ним людей дара пророчества (так можно истолковать слова Чингисхана, обращенные к Мухали в § 206 “Сокровенного сказания”: “Когда-то, в Хорхонах-чжубуре, мы расположились под тем развесистым деревом, где некогда плясал хан Хутула. По той печати Перста Небесного, которою были запечатлены в ту пору слова Мухали, я вспомнил отца его Гуун-гоа, и вот полностью сбываются слова Мухали”). Представляется, однако, что под такого рода деревьями мог осуществляться контакт с Верхним миром только особо отмеченных индивидов, прежде всего ханов. Упомянутый Мухали, входивший в четверкуурлюков, т.е. ближайших сподвижников, Чингисхана, хотя и не был ханского происхождения, но слыл человеком необычным, так как при его рождении юрту заполнил “белый воздух” (Кычанов Е.И. Указ. соч. С. 69).

[50] Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. Сост. Р.П. Храпачевский. М., 2003. С. 251-252.

[51] Вяткина К.В. Монголы Монгольской Народной Республики // Труды Ин-та этнографии, новая серия. М.-Л., 1960. Т. 60. С. 243.

[52] Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 2. С. 65.

[53] [Schmidt I.J.] Ssanang Ssetsen. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen chung-taidschi der Ordus. St.-Petersburg - Leipzig, 1829. S. 249, 251.

[54] Жуковская Н.Л. Бурятская мифология и ее монгольские параллели // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М., 1980. С. 110.

[55] Уолкер С.С. Чингиз-хан. Ростов н/Д, 1998. С. 249-250.

[56] Герасимова К.М. Обряды защиты жизни в буддизме Центральной Азии. Улан-Удэ, 1999. С. 135.

- [57] Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980. С. 63-64.
- [58] Цааджин бичиг (“Монгольское уложение”). Цинское законодательство для монголов. 1627 - 1694. Введ., монг. текст, транслит, пер. и коммент. С.Д. Дылыкова. М., 1998. С. 74.
- [59] Из этого же племени вышли знаменитый полководец Субэдай-багатур, совершивший в 1223 г. вместе с Чжэбэ-нойоном рейд в южнорусские степи, и его сын Урянхатай, прославившийся военными подвигами при завоевании Юньнани.
- [60] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. С. 159.
- [61] Там же. С. 125. В другом месте своей летописи Рашид ад-Дин (Т. 1. Кн. 2. С. 235) добавляет имя Ариг-Буги, а про Джочи, Чагатая, Угэдэя и их сыновей говорит, что они похоронены в другой местности.
- [62] Свистунова Н.П. Гибель Южносунского государства // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 289.
- [63] По авторитетному мнению Н.П. Шастиной, “этот небольшой по размеру плач о погибшем является одним из самых лучших произведений средневековых монголов” (Шастина Н.П. Образ Чингисхана в средневековой литературе монголов // Татаро-монголы... С. 476).
- [64] Лубсан Данзан. Алтан тобчи. С. 241-242.
- [65] Там же. С. 236.
- [66] The Mongol Chronicle Altan Tobči. Text, transl. and critical notes by C.Bawden // Göttinger Asiatische Forschungen. Weisbaden, 1955. Bd. 5. P. 146.
- [67] Имеется указание, что сам Хасар бы погребен на горе Йэкэ ула, но где она находится, не выяснено (Балданжапов П.Б. Altan Tobči. С. 153).
- [68] Об отражении взаимоотношений Чингисхана и Хасара в монгольских летописях см.:Цендина А.Д. Хасар и Чингис в летописях Мэргэн-гэгэна и Джамбадорджи // *Mongolica-IV*: Сб. ст. СПб., 1998. С. 30-35. Более того, по мнению известного монгольского историка Сумба-Хамбо (XVIII в.), унижительная версия о смерти Чингисхана от жены убитого монголами в 1227 г. тангутского императора Шидургу распространилась сыном Хасара, наказанным и сосланным на окраину (см.: Бира Ш. Монгольская тибетоязычная историческая литература (XVII - XIX). Улаанбаатар, 1960. С. 26-27).
- [69] Лубсан Данзан. Алтан тобчи. С. 370.
- [70] Поппе Н.Н. Описание монгольских “шаманских” рукописей Института востоковедения // ЗИВАН. Л., 1932. Т. 1. С. 188-189.
- [71] Там же. С. 170.
- [72] Доржи Банзаров. Собрание сочинений. Улан-Удэ, 1997. С. 41.
- [73] Лубсан Данзан. Алтан тобчи. С. 242.
- [74] Позже, в период маньчжурского господства, монголы всегда хоронили умерших князей в их хошунах. Если князь умирал где-то в чужих краях, его везли в его владения, исключая лишь тех, кто умер в Тибете или Утайшане - священных для буддиста местах (Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста, 1993. С. 470). По-видимому, последнее обстоятельство знаменует факт определенной десакрализации “своей” земли в Монголии под влиянием буддизма. Если в традиционных культурах Центральной Азии родовая территория воспринимается ее обитателями как сакральный центр мироздания, то с принятием буддизма этот центр переносится на гору Сумеру - “мировую ось” буддийской космологии, а священными странами становятся Тибет и Индия. Поэтому быть похороненным, например, на Утайшане - в прошлом мечта многих монголов и китайцев-буддистов.

- [75] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Пер. Ю.П. Верховского. М.-Л., 1960. Т. 2. С. 43. Интересно, что и форма ритуала интронизации монгольских ханов претерпела существенные изменения, начиная с Угэдэя (Скрынникова Т.Д. Харизма и власть... С. 108). Таким образом, изменения обрядности в важнейших делах монгольского государства происходили весьма быстро, опровергая мнение о косности и "застойности" Востока и, в частности, монгольской кочевой цивилизации.
- [76] "Мы видели также, что Оккодай-хан (Угэдэй - Ю.Д.), отец нынешнего императора, посадил куст за упокой своей души, вследствие этого он предписал, чтобы никто там ничего не срезал, если же кто срезал какой-нибудь прут, то, как мы сами видели, подвергался бичеванию, снятию одежды и злым побоям" (Плано Карпини. История могалов. С. 38).
- [77] Boyle J.A. The burial place of the great khan Ögedei // Boyle J.A. The Mongol world empire... P. 50.
- [78] Grousset R. Op. cit. P. 336.
- [79] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 16.
- [80] Там же. С. 85. "Аноним Искандара" относит место его погребения в долину Узгенда. См.: Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1983. С. 115.
- [81] Позднеев А. Монголия и монголы. СПб., 1898. Т. 2. С. 118.
- [82] Не лишено любопытства также варьирование мест захоронений чагатаидов. Известно, что Кара-Хулагу и Алгуй похоронены в Алмалыке; Барак, его сын Тука-Тимур и Дува – на равнине Узгенда; Эсен-Бука и Джанкши – в Нахшебе; Бузан, который "был одержим джиннами", – в селении Харрар; Казан – в Сарай-Сале (Материалы по истории киргизов и Киргизии. С. 114-119).
- [83] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 3. С. 63; Boyle J.A. The thirteen-century... P. 7; Hulagu // E.J. Brill's first encyclopedia of Islam. Leiden-N.Y.-Kobenhavn-Köln, 1987. Vol. III. P. 332-333.
- [84] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 3. С. 66.
- [85] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 121; Juvaini, Ata-Malik. The History of the World-Conqueror. Trans. by J.A. Boyle. Manchester Univ. Press, 1997. P. 536.
- [86] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 3. С. 97.
- [87] Там же. С. 117.
- [88] Там же. С. 127.
- [89] Бартольд В.В. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов // Сочинения. М., 1966. Т. 4. С. 387.
- [90] Тизенгаузен В.Г. Собрание материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I. С. 194.
- [91] Там он и был похоронен в 1305 г. (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 3. С. 202).
- [92] Гияси Дж.А. Архитектурно-градостроительная деятельность Ильханидов в Тебризской зоне и центральноазиатские традиции // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии: Докл. и сообщ. всесоюз. науч. конфер. Ч. 1. М., 1983. С. 62, 65.
- [93] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 3. С. 228.
- [94] Там же. С. 218.
- [95] Там же. С. 186.
- [96] Там же. С. 200.
- [97] Бартольд В.В. О погребении Тимура // Сочинения. М., 1964. Т. 2. Ч. 2. С. 424.
- [98] Бартольд В.В. К вопросу... С. 395.
- [99] Об истории возникновения святилища см.: Hidehiro Okada. Origin of the Ordos shrine of Chinggis Khan // Олон улсын монгол эрдэмтний V их хурал. Т. 1. Улаанбаатар, 1992. С. 394-399.

- [100] Относящееся к тому времени описание святилища см.: Дылыков С.Д. Эджен-хоро // Филология и история монгольских народов. М., 1958. С. 228-274.
- [101] Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977. С. 106.
- [102] Горохова Г.С. Монгольские источники о Даян-хане. М., 1986. С. 55.
- [103] Жуковская Н.Л. Ламаизм... С. 108.
- [104] Осквернение могил военных или политических противников случалось в Азии и за ее пределами еще в древности. Много интересных фактов на этот счет можно найти в работе: Дмитриев С.В. Практика разорения могил в политической культуре тюрко-монгольских кочевников // Антропология насилия. СПб., 2001. С. 178-190.
- [105] Кьодо Э. Гарил: жертвоприношение предкам в культуре Чингисхана // Этнографическое обозрение, 1993. № 2. С. 100.
- [106] Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. С. 31.
- [107] Там же. Позже, при хулагуидах, его, видимо, восстановили, так как Рашид ад-Дин сообщает о посещении этой гробницы Газан-ханом (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 3. С. 228).
- [108] Grousset R. Op.cit. P. 356.
- [109] Фома Сплитский. История архиепископов Солоны и Сплита. Пер. О.А. Акимовой. М., 1997. С. 116.
- [110] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 26.
- [111] Старинное китайское сказание о Чингисхане. Пер. с кит. архимандрита Палладия // Восточный сборник. Т. 1. СПб., 1877. С. 200.
- [112] Чулууны Далай. Монголия в XIII - XIV веках. М., 1983. С. 19, 21.
- [113] Книга Марко Поло. С. 287.
- [114] ан-Насави, Шихаб ад-Дин Мухаммад. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). Изд. критич. текста, пер., предисл., коммент., примеч. и указат. З.М. Буниятова. М., 1996. С. 234. В какой-то степени хорезмшах разделил посмертную судьбу одного из своих противников - везира аббасидского халифа Муайид-ад-дина ибн ал-Кассаба. Разбив войско Мухаммада, Муайид-ад-дин скончался в Хамадане. Мухаммед прибыл туда, вынул из могилы его тело и сжег, а голову отрезал и отослал в Хорезм как якобы добытую в бою (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 136-137).
- [115] Даже киданьские погребения конца XI – начала XII вв., исследованные на территории Монголии, значительно разнятся от монгольских (Ивлиев А.Л. Погребения киданей // Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1990. С. 59).
- [116] Мавзолеи китайских императоров сооружались с целью воспроизвести блеск и величие, которыми императоры наслаждались при жизни. Выбор места для строительства определялся исходя из принципов геомантики (фэн шуй), там, где сливались энергопотоки инь и ян. От проникновения посторонних мавзолеи защищала высокая стена, но их местонахождение отнюдь не составляло тайны. Приходится также исключить корейское влияние. В царствах Древней Кореи захоронения приравнялись к помещению семечка в землю: смерть считалась шагом к новой жизни. Поэтому в формах курганов угадывается символика цветка (Kim Yol-gyu. Koreans' perception of death // Koreana: Korean art & culture. Vol. 16, № 4. Winter 2002. P. 6 и сл.).
- [117] Ивлиев А.Л. Указ. соч. С. 49.
- [118] Е Лун-ли. История государства киданей. Пер. В.С. Таскина. М., 1979. С. 53, 364-365.
- [119] Ли – китайская мера длины, варьировавшая от эпохи к эпохе и от провинции к провинции; в описываемое время составляла около 500 м.

- [120] Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. Пер. В.С. Таскина. М., 1984. С. 212.
- [121] Воробьев М.В. Культура чжурчженей и государства Цзинь. М., 1983. С. 144.
- [122] Там же.
- [123] Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII. Пер. Р.В. Вяткина и А.М. Карапетьянца. М., 2002. С. 330.
- [124] Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв. Вып. 3. Мужуны. Пер. В.С. Таскина. М., 1992. С. 238.
- [125] Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв. Вып. 2. Цзе. Пер. В.С. Таскина. М., 1990. С. 87.
- [126] Там же. С. 47.
- [127] Сокровенное сказание. § 70.
- [128] Дубровский Д.В. Жертвенный конь в погребальном обряде кочевников улуса Джучи // Тюркологический сборник / 2001: Золотая орда и ее наследие. М., 2002. С. 203.
- [129] Сокровенное сказание. § 164. И. де Рахевилц полагает, что слово “скалы” (монг. Qaldut) в данном пассаже могло быть именем собственным и означать священную для вождей керейтов гору, которая, возможно, позже была известна под именем Qaldun-un Jigьken, или Сердце Калдура. Ее локализуют в долине Толы к западу от Улан-Батора (Igor de Rachewiltz. The Secret History of the Mongols // Papers on Far Eastern History. Canberra, the Australian National Univ. № 13, March 1973. Pp. 71-72).
- [130] Сокровенное сказание. § 254.
- [131] Урбанаева И.С. Указ. соч. С. 55.
- [132] Герасимова К.М. Ламаистская трансформация анимистических представлений // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 1970. Вып. 4. С. 31-39.
- [133] Как известно, в философии буддизма отрицается наличие индивидуальной души; ее место занимает совокупность дхарм. Однако на бытовом уровне речь о душе идти могла, особенно в условиях религиозного синкретизма Центральной Азии.
- [134] Герасимова К.М. Обряды защиты жизни... С. 141.
- [135] Позднеев А.М. Очерки ... С. 465-469. На примере калмыков было прослежено неуклонное сокращение числа способов захоронения. Если в XVIII в. их насчитывалось шесть, то в XIX в. – только четыре, а еще век спустя практиковалось лишь два способа: сожжение и предание земле (Бакаева Э.П., Гучинова Э.-Б.М. Погребальный обряд у калмыков XVII – XX вв. // Советская этнография, 1988. № 4. С. 100).
- [136] Обретя черты демиурга и культурного героя, Чингисхан даже считался у монголов божеством-землеустроителем. В этой ипостаси он якобы объезжал землю и силой мысли творил пригодные для жизни людей уголья (Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционная мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990. С. 68).
- [137] Кычанов Е.И. Указ. соч. С. 212. См. также: Потанин Г.Н. Тангуты-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. СПб., 1893. Т. 1. С. 128; Жуковская Н.Л. Чингисхан // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2. С. 629.
- [138] Эрдэнипэл. Что является конечной причиной религий, исповедуемых монгольскими племенами. Пер. Ринчена // Фонд б-ки Института востоковедения РАН, шифр VII М 7ж / Эрд. С. 145.
- [139] Мэнэс Г. Материалы по традиционной похоронной обрядности захчинов МНР конца XIX- начала XX в. // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск, 1992. С. 124.

- [140] Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975. С. 116.
- [141] Позднеев А. Монголия и монголы. С. 433-434.
- [142] Козлов П.К. Путешествие в Монголию. 1923 – 1926. Дневники, подготовленные к печати Е.В. Козловой. М., 1949. С. 114.
- [143] Жуковская Н.Л. Два культовых объекта в северной Монголии // Новое в этнографии (Полевые исследования). Вып. 1. М., 1989. С. 165-170; Она же. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М., 2002. С. 32-36.